

От традиций русской сатиры XVII в. «История о купце» унаследовала и яркую сатирическую форму, и социальную направленность. Объектом сатиры в ней является некий мещанин, выбившийся в купечество, да еще в «президенты гостиной сотни» и поэтому зазнавшийся. В «Истории» осмеиваются главные, типические свойства характера этого «мещанина в купечестве» — заносчивость, хвастовство, чванство, рабское тяготение к «знатым домам», влечение к иностранцам. В изложении похждений героя черты реальной жизни, быта и даже топографии Петербурга второй половины XVIII в., в котором происходит действие, перемежаются и переплетаются с эпизодами сказочно-басенными, скоморошьими.

Из наблюдений над реальной жизнью в «Истории о купце» взято меткое замечание о «превеликих того града (Петербурга, — Н. Р.) разстояниех, имущаго в себе во всех улицах и вертоградех каменные мосты» (речь идет, очевидно, о каменных мостовых, появившихся в Петербурге еще в 1714 г.; первые каменные мосты через реки и каналы были построены лишь в 1762 г.), упоминание о «трактирах», в которых герой, уверявший, что его постоянно приглашают «в знатнейшия дома иногда для кушания, овогдаж для увеселения», «имел кушать за свои деньги», о поездке его «в предзнатнейшее место, где учинилось видеть збывшуюся тамо комедию», и многое другое (например, упоминание «обмывальницы» при доме, где он остановился). Знание быта столичного портового города отразилось также в употреблении морской терминологии.

И все это перемежку с балагурством, скоморошеством, шутовством. «Нарочная и zelo убранная колесница» оказывается сделанной «ис плодов древесных ветвий и огородных листов», запрягаются в нее не лошади, а голуби; для перевоза через реки употребляется «изрядное судно, зделанное ис песка, машты его бяху построены из воздуха, вымпал — из земли, а фок и грот, то есть парус, — ис облак».

Элементы безудержного балагурства и скоморошества усиливаются и становятся совершенно неумеренными в следующих за «Историей о купце» и тесно связанных с нею «Авизиях». Хотя эти «Авизии» оформлены как составная и заключительная часть «Истории о купце»,⁶ их следует рассматривать как самостоятельное произведение, относящееся к мало известной разновидности сатиры XVIII в. — пародии на газетные известия.

От «Истории о купце» «Авизии» отличаются не только по форме, но и по содержанию. Если в «Истории» отчетливо чувствуется какой-то подтекст и вполне возможно, что специальное исследование обнаружит, против кого именно направлено это произведение (признаки адресата этой сатиры обозначены достаточно определенно: гостинный староста города Тобольска 1735 г.), уточнить его датировку, место и обстоятельство сочинения, то в «Авизиях» вряд ли удастся уловить что-либо конкретно-историческое: это пародия на газетные известия вообще, в целом. Трудно заподозрить какую-нибудь аллегорию в такой, например, «Авизии ис Мандрита»: «Город Кадикс выконопатили и вывели в море. Стоят на якирях и дожидаются способных ветров итти в Галандию».

⁶ Переход от «Истории о купце» к «Авизиям» оформлен следующей фразой: «...имел оной старшина друзей таковых же подобных себе иноземцов и чрез их получал себе разные авизии... с которых при сем прилагается список от слова до слова». Соединение этих двух произведений в одно свидетельствует о творческой инициативе составителя сборника, о его чуткости к литературным жанрам: оба эти произведения носят черты редкого и отжившего уже в XVIII в. жанра скоморошьих, шутовских пародий.